

ШКОЛА ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ

Молодые философы

К 500-летию «Государя» Никколо Макиавелли

СУБЪЕКТ МАКИАВЕЛЛИ: К НАБРОСКУ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ОНТОЛОГИИ

П.В. ЗАВИСНОВ

«Макиавелли подводит нас к порогу современного мира. Он стоит в одиночестве посреди пустого пространства»¹. Открытие Макиавелли отделяет политику от ее идеалистического представления – теперь государственное единство, как и любое единство, взятое в своем чистом виде, стоит на краю пустоты. Все то, что соотносило себя с собственным метафизическим началом, оказывается порядком фикций, отсылающих лишь к акту основания, «подшитых» к пустоте, из которой и черпаются эти иллюзии. Общество лишается естественной иерархии, власть – своего божественного оправдания, а история – конечной цели. И если точек опоры более не осталось, то каким образом вновь утвердить существование общества, на этот раз предоставленного самому себе? Раз нет того, что разворачивается в каждом представимом облике наличного (например, в государстве), то космос («повсеместно пребывающее» без ограничений) заменяется множеством таксисов, чье присутствие не является естественным продолжением дарящего себя бытия, а только результатом операции. Природа становится воплощенной неопределенностью, а значит, всякое составное целое теряет гарантию своего существования, ведь за ним располагается только произвол выражающего субъекта. Но предполагаемое отсутствие статичных, «уже данных» форм, дестабилизирует, в том числе, и субъекта. Чем тогда являются объекты нового метода? И можно ли вообще говорить о методе (коль скоро мы заявили об открытии)? Мы допускаем здесь, в качестве подхода Макиавелли, особый атомизм – то, что *осталось* после разрушения и разоблачения всех структур. Атом – как то, чем метод оперирует – это «форма» самой пустоты, некая предельная неуничтожимая точка, которая становится единственным источником всякой определенности, сама, в свою очередь, полностью таковой лишаясь – это субъект, единственная деятельная (но не стабильная) инстанция.

«Расстояние между тем, как люди живут и как должны бы жить, столь велико, что тот, кто отвергает действительное ради должного, действует скорее во вред себе»². Это расстояние, открываемое во всяком должном, заставляет нас признать или, скорее, узнать в целостности разрыв, кон-

фликт, становление — что угодно, только не стабильность самооткровенности. Но в последнем, когда мы распознали его как фикцию, тождество возвращается к нему в новом ранге, теперь это ложное предстает именно как ложное. За ним раскрывается иное измерение, измерение действительности и практики — сама возможность такого допущения, не руководствующаяся в своих начинаниях никакими сторонними критериями. «Имея намерение написать нечто полезное для людей понимающих, я предпочел следовать правде не воображаемой, а действительной»³. Связь через участие заменяет дарение присутствия, раскрытие сокрытого — присутствие здесь вычитается всякий раз, когда мы имеем дело с той или иной идеей, поскольку о ней нельзя сказать «есть», ведь она не существует до тех пор, пока не начинает раскрываться в мысли. Впрочем, постулируя их не-бытие (как таковых, взятых в собственной инстанции, без какого-либо соединения с субъектом), мы, тем самым, допускаем тот минимальный уровень бытия, который заключается в обладании минимальным существованием имени.

Если мы представили мир как совокупность воображаемых сингулярностей, т.е. как множество «миров», тех «пространств», где мысль разворачивает себя, то почему об открытии Макиавелли можно говорить как о революционном в отношении всех идеалистических представлений? Указание на их множественность не является новым и не содержит в себе потенциала для подрыва их могущества. Тогда в чем состоит особая сила этой критики? Открытие, таким образом, стоит понимать не в качестве выявления из *одной и той же* области ранее не явного, но в виде введения радикально иного, тем более радикального, что о нем *известно как об ином*, поскольку оно получает имя, но при этом само по себе остается невыразимым. Мы знаем, что нечто имеет место, но не знаем что именно.

Если мир оказывается совокупностью единичных идей, причем ничем во всем своем объеме не упорядоченных, не схваченных некоторой прирученной всем общей тотальностью, то должна также существовать такая идея, чьим единственным содержанием будет «быть не бытием», иначе — идея пустоты. Она одна характеризуется простотой, а ее универсальность достигается за счет отсутствия (призрачного присутствия) в любом составном целом. Фундаментальное различие между двумя типами сингулярностей может быть выражено следующим образом: если все прочие единства являются мыслимыми, то здесь мы столкнулись с тем пределом, на котором обрывается мысль, с немислимым. Что в воссозданном нами универсуме способно совпасть с этой симптоматической точкой (встать на ее место)? «Из чего следует, что государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением, смотря по надобности»⁴. Умение отступать, сама такая возможность сообщает нам не только о перемене различных порядков, переходе от одного к другому, это определяет *отступающее* как такую инстанцию, чьей сущностью является разрыв, реализация которого и позволяет ей осуществлять себя поверх структур, между ними. Но государь (принц и его зеркало) это также и статус.

Совет Макиавелли адресован тем, кто желает сохранить собственное положение правителя, *mantenere lo stato*, но *lo stato* используется в отношении как земель принца, так и аппарата управления, более широко — в отношении искусства управления государством, государственных дел, *cose di stato*, что ведет к способности править, к состоянию самого государя, *il suo stato*⁵.

Без этого места, без *stato*, о нем невозможно говорить в терминах власти/властвования, но, даже теряя собственное положение, он не перестает быть деятельной инстанцией и всегда может вернуть все отнятое у него судьбой. Не является ли указание на саму возможность такой утраты тем более важным, чем более она соприкасается с практикой, демонстрируя нам даже не столько открытие в действии, сколько то, что тайно заявляет о себе в каждом таком действии? Принц становится символическим обликом: отдельным от непосредственного носителя такового, но носитель в своей непосредственности не совпадает ни с одним из таких обликов. С другой стороны, замечание, что власть есть не что иное как искусство ее удержания, сообщает нам о чем-то пересекающем данные идеи, о некотором процессе, в который все они включены и который их трансформирует. Субъект равным образом присутствует в каждой идее, не внося ничего постороннего в их аутентичное содержание. Мы можем утверждать, что процесс осуществляется субъектом и последний явен настолько, насколько он в нем участвует, так как является его (процесса) отражением⁶. Таким образом, базовые операции суть (а) саморасширение, (б) самосохранение. «Я» — это не то, с чем нечто случается, не инстанция пассивного синтеза, способная только к восприятию; скорее, активность и пассивность здесь сливаются воедино — «Я» учреждает то, что впоследствии учреждает его самого. Всецело формируясь ситуацией, будучи в нее «заброшенным» оно не перестает упорствовать в бытии⁷. Таким образом, принц — это тот, кто наиболее полным образом соответствует условиям (операциям), выделяющим «Я».

«Каждому из этих людей выпал счастливый случай, но только их выдающаяся доблесть позволила им раскрыть смысл случая»⁸. Чем представляется случай с точки зрения описанной выше перспективы? Прежде всего, это ослабление в цепи обстоятельств, момент их деформализованности, который открывает возможность для упорядочивания иным способом. Случай не определен и непредсказуем, это вдруг представляющийся шанс, проблеск, указывающий путь ко все большей независимости, к освобождению, намечающий траекторию, следование которой позволит разорвать путы необходимости (скованность обстоятельствами). Но когда будет достигнуто подлинное единство? Не является ли случай той симптоматической точкой, где хаотическая множественность атомарных субъектов отменяет себя, а исполнившееся господство возвращает Италии утраченное единство, которое теперь является имманентным сообществу, всецело познанным продуктом человеческой деятельности? Речь, таким образом, идет об исполненном случае — установленном единстве. Назовем установленным единством перенос характеристики локального «Я» на коллективное, качественный скачок, где сообщество

узнает себя в раздробленной совокупности индивидов и предоставляет само себе. Принц как бы отождествляется с социальным целым, но «предоставленной себе» оказывается не отдельная личность — *stato* всегда превышает и упраздняет частное как частное, учреждая, знаменуя собой режим общего. *Lo stato*, хоть и будучи составной аллегорией, не остается на уровне механической агрегации, это целое, принадлежность к которому только и делает из народа народ, но оно же ставит суверена, как то, что его олицетворяет, вне общества, поскольку он не может быть равен своему собственному элементу.

Не всякое господство ведет к единству, у последнего должны быть определенные условия. Каковы эти условия? В соответствии с выше-сказанным мы можем утверждать, что те объекты, с которыми имеют дело, то, в чем упорствуют, разделяются в соответствии с целями на два класса — на общие (объединение) и частные (господство без единства)⁹. Кто является врагом не только республики, но и всякого объединения вообще? Дворяне всегда сохраняют частную власть, они соотносятся с публичным за счет самого публичного, т.е. ради наживы — их *virtu* становится врагом всякой гражданской жизни¹⁰. Итак, на что должно быть обращено стремление, чтобы учредить единство?

Партикулярная власть заинтересована только в партикулярном, она является потребностью чего-то, некоторого единичного блага, служащего удовлетворению столь же единичного индивида. Ее расширение, мыслимое даже в глобальном масштабе, будет проводить выборку, руководимую интуицией удовольствия — из данного набора извлекается только то, что соответствует его концепту (нечто, способное его доставить), ведь потребность как потребность чего-то выбирает потребляемое, с необходимостью оставляя избыток. Иначе это арифметическое присоединение новых частей ради обслуживания собственных переменчивых appetitov, это режим не-всех. Такое расширение никогда не сможет стать всеобщим, оно случайно, не постоянно, и повинувшись переменчивым движениям фортуны (внешнего), бросается из одной крайности в другую¹¹. Если любое благо (то, что удовлетворяет единичную потребность в чем-то) ограничено и если оно представляет собой единственную цель стремления, то ты существуешь настолько, насколько имеешь доступ к нему — не имея опоры в себе, полностью зависишь от конфигурации внешнего¹². Великие же люди «при всех поворотах судьбы, остаются самими собой и сохраняют твердость духа, неотъемлемую от их образа жизни»¹³. Их существование как бы обращается само на себя, оно ничего не желает, а само есть всякое возможное желание, желание как таковое, целостность, единая жизнь. Свободная от привязки к конкретной вещи, такая самость сосредоточена лишь на собственных условиях (операциях). Поэтому она вынуждена отказаться от представления себя нуждающейся в чем-то (ведь *наличное* — это то, что следует преодолеть — Италия еще не объединена) — движение к себе, таким образом, здесь будет движением к иному. Раз общее производится субъективным стремлением, а условия существования «Я» тождественны условиям единства (существования коллективного «Я»), то стремление, отказывающееся от целей частных

нужд, осуществляющееся только ради осуществления (направленное на себя), будет тем принципом, при помощи которого возможно определение, выявление оснований новой (всеобщей, объединяющей) политики и задаваемого ей сообщества. Назовем процедуру обозначенного выделения (постановки цели) *истинностной операцией*.

У наличной ситуации, даже если она является совокупностью слабых автономных образований, есть свое основание — она опирается на некоторый исторический опыт, понимаемый не просто как совокупность фактов, но как образ, идея этих фактов, сообщающая им цель и смысл. Но такие условия являются локальными, они подобны перспективному видению, открывающему нечто с фиксированной точки зрения — необходимо придерживаться центра, чтобы видеть то, что здесь следует увидеть¹⁴. Римская история есть родовое понятие, которое находит себя в истории всякого государства и всяких идеологических установок — она и должна стать точкой опоры для отделения истинных режимов от коррумпированных. К Риму, представленному (искаженному) в языке существующего порядка, истинностная операция добавляет условия, при которых он предстает перед нами в ином свете — так обнаруживается (получает имя) *новое* в прошлом. Новое потому, что его еще только надлежит воплотить — следовательно, оно становится грядущим¹⁵. Грядущее, которое уже было, прошедшее, переносимое в будущее в качестве идеала, прочерчивает траекторию, по которой движется субъект, стремясь к достижению подлинного существования (как индивидуального, так и коллективного). Это траектория возвращения к «забытым» истокам, к моменту подлинности, оккупированному властью частных интересов и поддерживающих их фикций; возвращения не к какой-либо догме, а всеобщему стремлению, как таковое невыразимому и потому претворяющемуся (с необходимостью не полно) в *определенной догме*¹⁶. Истинностная операция будет, таким образом, редукцией, включающей мир с целью добраться до его неразрушимых компонентов, исходя из которых предстоит перестроить действительность. Полученное таким образом основание всецело негативно в отношении данной действительности. Хоть оно и представлено в некоторой абстракции (Рим), но такая абстракция тождественна практике, она взламывает собственную абстрактность и становится чистой имманентностью¹⁷. Здание наличного социального порядка (точнее, его отсутствия) подрывается; тот исток, который он считал своим и связь с которым придавала ему легитимность, отвоевывается обратно — на том же месте восстает монумент нового режима.

Новое — это возвращение истины, стремления к общему, одному и тому же во всех возможных ситуациях. Таким образом, в каждой из них идеальное основание, происходящее из *такой* направленности субъекта, будет иметь различных посредников. Как их распознать? Это те, кто исключен, но не желает мириться с подобным положением, и чье признание (введение в ситуацию), разрушает власть партикуляризма, возводит на его руинах новую форму общности. Различие между республиканством «Рассуждений» и ставкой на диктатуру «Государя» не кажется нам противоре-

чем, ведь для тех, кто не имеет «ни главы, ни порядка», кто «разгромлен, разорен, истерзан, растоптан, повержен в прах», не может быть иного выхода, кроме как присягнуть на верность «новому государю»¹⁸. Нельзя ли здесь проследить минимальное сходство между учением Макиавелли и иными революционными доктринами? В обоих случаях мы видим низвержение идеализма, открытие за разноцветными обманками действительных мотивов и движущих сил, апелляцию к исключенным, призыв к объединению усилий, дисциплине и солидарности. Скорее это некоторая общность судьбы, разделяемая многими историческими эпохами и их действующими лицами; это повторение одного и того же жеста, проявляющегося в разнообразных ситуациях под разными именами. Существующее, как общее всем «мирам», представляет собой основание для утверждения истинного существования одного и только одного мира, а значит, при соответствии собственным условиям, обозначает путь для более радикального единства, уже выходящего как за пределы Италии, так и за всякие пределы вообще (что выходит за рамки исторических задач Макиавелли).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Cassirer E. The Myth of the State. – New Haven: Yale University Press, 1946. P. 140.

² Макиавелли Н. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма. – М.: НФ Пушкинская библиотека, 2004. Гл. XV. С. 101.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Скикнер К. The State // Понятие государства в четырех языках. – М.: ЕУ, 2002. С. 24 – 32.

⁶ «Фортуна непостоянна, а человек упорствует в своем образе действий (курсив мой. – П. З.), поэтому, пока между ними согласие, человек пребывает в благополучии. И все же я полагаю, что натиск лучше, чем осторожность» (Макиавелли Н. Государь. Гл. XXV // Макиавелли Н. Сочинения исторические и политические. С. 131). Также: «Фортуна зависит от обстоятельств, а люди упорствуют в своем поведении» (Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Гл. IX // Макиавелли Н. Сочинения исторические и политические. С. 392).

⁷ Макиавелли Н. Государь. Гл. XVIII // Макиавелли Н. Сочинения исторические и политические. С. 107.

⁸ Макиавелли Н. Государь. Гл. VI. С. 72.

⁹ Рассуждения... Книга II. Гл. II // Макиавелли Н. Сочинения исторические и политические. С. 270.

¹⁰ Там же. Кн. I. Гл. LV. С. 249.

¹¹ Там же. Кн. II. Гл. II. С. 271.

¹² Там же. Кн. III. Гл. XXXI. С. 437 – 438.

¹³ Там же. С. 438.

¹⁴ Там же. Кн. II. Гл. II. С. 270.

¹⁵ Там же. Кн. I. С. 139.

¹⁶ Как замечает Грамши: «Наличие у “провидца” программы, которую он намерен реализовать, вынуждает его придерживаться существенного, тех элементов, поддаваясь «организации» и допуская, чтобы их направляли в ту или иную сторону, по сути дела, и являются теми единственными элементами,

которые можно предвидеть» (Грамши А. Тюремные тетради. Т. 3. – М.: Изд-во иностр. лит., 1959. С. 158).

¹⁷ Макиавелли Н. Рассуждения... Книга II. Гл. II. С. 273.

¹⁸ Макиавелли Н. Государь. Глава XXVI. С. 132.

REFERENCES

Cassirer E. The Myth of the State. – New Haven: Yale University Press, 1946. P. 140.

Gramsci A. Tyuremniye tetradi. Vol. 3. – Moscow: Izdatelstvo inostrannoy literatury, 1959.

Machiavelli N. Sochineniya istoricheskiye i politicheskiye. Sochineniya khudozhestvenniye. Pisma. – Moscow: NF Pushkinskaya biblioteka, 2004.

Skinner K. The State // Ponyatiye gosudarstva v chetiryokh yazykakh. – Moscow: EU, 2002. P. 24 – 32.

Аннотация

Статья посвящена реконструкции понятия субъекта у Макиавелли. Показывается, что он служит основанием онтологии (политической). Последнюю, несмотря на то, что субъект становится основанием определений, нельзя назвать идеалистической. Доказывается, что она, напротив, ниспровергает идеалистические представления, раскрывая за ними политическую практику (в соответствующем историко-социальном контексте).

Ключевые слова: Макиавелли, субъект, политическая онтология.

Summary

The article reconstructs the notion of subject in the works of Machiavelli and shows it as the basis of his (political) ontology. The latter cannot be called idealistic despite the fact that the subject becomes the foundation of definition. On the contrary we prove that it overthrows idealistic concepts, revealing political practice behind them (in the appropriate historic and social context).

Keywords: Machiavelli, subject, political ontology.